

П Л А Н

<i>Введение</i>	- 3-4
<i>Глава I. «Такая уж нам выпала доля»</i>	- 5-8
<i>Глава II. Жизнь без прикрас</i>	- 9-25
<i>Глава III. Со школьной скамьи на фронт</i>	- 26-30
<i>Заключение</i>	- 31-32

Введение

*А мы не стали памяти перечить,
И вспомнив дни далекие, когда
Упала нам на слабенькие плечи
Огромная, не детская беда.
Была земля и жесткой и метельной,
Была судьба у всех людей одна.
У нас и детства не было отдельно,
А были вместе – Детство и Война...
Р.Рождественский*

На рубеже XXI в. и третьего тысячелетия мы отмечаем события исторического масштаба – 60 годовщину Победы советского народа в Великой Отечественной войне.

Очень важно осмыслить глубже и точнее не только военные, но и морально-психологические, чисто человеческие истоки Победы. К сожалению, история отечественной войны как бы отделяется от нас, все меньше и меньше остается живых победителей, хранителей правды об этой войне.

Неисчислимы жертвы, величайшие усилия и огромные духовные и физические страдания понадобились, чтобы советский народ смог выстоять в неравной схватке против фашистской Германии.

Беспримерный подвиг в годы войны совершили труженики тыла. В лютую стужу и жару, в ненастье и в минуту опасности женщины и подростки, пришедшие на смену мужьям, отцам и братьям не покидали своих рабочих мест, готовили фронту оружие, снаряжения, боеприпасы. Ни днем, ни ночью не затухал рабочий ритм в заводских и фабричных цехах, на колхозных полях и фермах.

И все же, как противоречиво звучит – дети и война. Дети несут в себе жизнь, война – смерть. И тем не менее, еще никогда во всей прошлой истории дети не участвовали так самоотверженно в защите своей Родины, наравне со взрослыми, как в годы Великой Отечественной войны. Сотни мальчишек и девчонок стали в шеренги бойцов – рядом с отцами и старшими братьями. Отложив недочитанные книжки и школьные учебники, юные патриоты взяли в руки винтовки и гранаты, стали сынами полков и партизанскими разведчиками, неутомимо работали на колхозных полях, вдохновляемые одной мыслью: «Все – для фронта, все – для победы!»

Для того, чтобы узнать о жизни моих сверстников в годы войны, я не стала читать документальные книги и художественную литературу. Я хотела составить свое собственное мнение, и поэтому поставила перед собой такую задачу: написать эту работу только на основе рассказов, писем и архивных материалов (ГАНРИ).

Глава I. «Такая уж нам выпала доля»

Как же жили наши сверстники в это тяжелое время? Конечно, очень трудно. Многие не посещали школу, так как и одеться было не во что. Конечно, взрослые старались, как могли. Так, из архива за 1943 год мы узнаем, что заранее, перед новым учебным годом проводилась большая работа: приобретались письменные принадлежности, тетради, организовывались горячие завтраки. Но все это было не везде, «что создавало большие затруднения в посещении школы»¹ Дети и сами готовили школы к новому учебному году. «Тепловские учителя и учителя ряда других школ района отремонтировали своими руками школу. Учителя и ученики большинства школ заготавливали дрова на весь отопительный сезон».² Совсем маленькие весь день были в яслях – «организовать к началу полевых работ детские ясли и площадки, охватив ими всех детей, матери которых будут заняты на полевых работах».³ Детские ясли обеспечивались самым необходимым: спичками, солью, медикаментами, посудой.

Осенью и весной не учились совсем – не до этого было. Помогали взрослым в поле. Особенно активно работали Новобурасская, Тепловская и Кутьинская школы.⁴ В документах того времени говорилось: «Комсомольцы нашего района немалую роль должны сыграть в деле подготовки и проведения весеннего сева, эту силу нужно использовать как следует. Комсомольцам нужно самим быть примером и повести за собой актив села. Все эти факты говорят за то, комсомол – большая сила, ее только надо использовать».⁵ Для борьбы с сельскохозяйственным вредителем – черепашкой привлекались все дети школьного возраста.

¹ ГАНРИ. Фонд № 1; Опись № 1; Ед. хранения № 362.

² ГАНРИ. Фонд № 1; Опись № 1; Ед. хранения № 362.

³ ГАНРИ. Фонд № 1; Опись № 1; Ед. хранения № 362.

⁴ ГАНРИ. Фонд № 1; Опись № 1; Ед. хранения № 350.

⁵ ГАНРИ. Фонд № 1; Опись № 1; Ед. хранения № 352.

В наш район поступило очень много эвакуированных. По книге учета эвакуированных мы примерно подсчитали, что половина из них были дети. Особенно потрясла меня запись в этой книге об одной эвакуированной – там значилась одна фамилия, дата рождения и пол, а имени не было – эта девочка родилась в дороге. Большинство эвакуированных было из Сталинграда, Бобруйска, Минска.

В годы войны многие дети, особенно маленькие, умирали. Причины – недоедание, болезни. В августе 1942 разразилась эпидемия скарлатины среди детей, в 1943 – сыпного тифа.

Поразил меня тот факт, что даже в нашем районе, далеком от линии фронта, появились беспризорные дети.

«Исполнительный комитет районного совета депутатов трудящихся отмечает, что комиссия по устройству детей, оставшихся без родителей, все еще не работает достаточно. До сих пор в районе имеются дети (3 чел.), не определенные на патронирование».

Лицам, принимающим на воспитание детей, регулярно выдавалось через районо и сельсоветы ежемесячное пособие в размере 50 рублей на 1 ребенка. Было принято решение «Обязать всех руководителей предприятий, совхозов, колхозов принимать на работу безнадзорных детей, обеспечить их жильем и питанием».¹

В нашем районе работали в годы войны следующие школы: с. Афанасьевка (директор Кузьмичев М.Т.), с. Новые Бурасы (директор Ешуков Ф.П.), с. Бессоновка (директор Орехова О.А.), с. Лох (директор Мигачев В.И.), с. Малые Озерки (директор Немоляева Д.П.), с. Голицино (директор Иванова Н.А.), с. Андреевка (директор Кошечев Н.П.)

Остронуждающимся сиротам выдавали «американские вещи» (возможно это была помощь союзников): пальто, халаты, чулки, пиджаки, брюки, юбки.

Но, несмотря на все трудности, у всех граждан нашей страны – и больших и маленьких – была одна мысль: «Победа будет за нами». И

¹ ГАНРИ. Фонд № 1; Опись № 1; Ед. хранения № 350.

поэтому все, кто как мог, помогали фронту. Собирали теплые вещи, продукты, металлолом, денежные средства на боевые самолеты. За декабрь месяц 1942 года было собрано 30000 рублей. Все школы района вели систематическую переписку с воинскими частями и отдельными красноармейцами. Маленькие листочки уходили на фронт, исписанные детскими каракулями. Это письмо написано неизвестным мальчиком своему отцу на фронт.

«Здравствуй, дорогой папа. Мы Зинку продали за 100 рублей. Папа, мы капусту изрубили, нарубили 1 ведро с половинкой. Папа, в колхозе упали 4 лошади. Папа, сено мы переклали на погребницу, а в сенницу пустили наших кур вместе с колхозными. Папа, мы живем в конюшне, пока корова в стаде. Мне купили штаны хорошие, двое: одни больше, а другие меньше. Ботинки починили старые... Папа, пока ничего». Незамысловатые, простые слова. И каждый солдат, воевавший в это время, думал чаще всего, наверное, о детях, оставшихся дома. И перед боем, когда смерть стояла совсем рядом, думалось о будущем, которое наступит счастливым. Это письмо с фронта было первым и последним для Георгия Ивановича Львова – политрука. Он пропал без вести в 1942 году.

«Добрый день!

Многоуважаемая и любимая Паня, во первых строках илю тебе и любимым деткам Римме, Юре и Кане свой горячий привет и целую вас несколько раз. С 11 января я был в дороге, выезжали мы из Аткарска и приехали сегодня 29 января в Москву и сегодня мы уезжаем на юго-западный фронт. То есть я пишу с вокзала.

Уважаемая Паня, отсылаю тебе свои две карточки, если хочешь, то отошли одну бабушке.

Дорогая Паня, я взволнован, не знаю, что будет впереди, я еду бороться с кровавым гитлеровским врагом.

Я как политрук, должен быть впереди, вести за собой товарищей.

Паня, я послал аттестат тебе, ты его получишь и иди в райвоенкомат и будешь получать 300 рублей в месяц с 01.02.1942 г., услал 225 рублей почтой, получишь их. У меня есть 400 рублей в кармане, я как-нибудь их тебе переищу почтой. Сейчас некогда. Дорогая Паня, будь здорова. Я поехал, передай привет моим землякам. Я сейчас напишу письмо в Полит.управление РККА с просьбой, чтобы тебя обеспечивали всем необходимым.

Паня, прощай и прости, ваш любящий Георгий. Адреса пока нет, я в дороге еду на юго-запад.»

Глава II. Жизнь без прикрас

Самоотвержен был труд жителей. Враг не дошел до Саратова. Но в дни битвы на Волге саратовская земля стала оперативным тылом фронтов, сражавшихся под Сталинградом, а территория города и области неоднократно подвергалась бомбардировкам вражеской авиации.

В тылу все тяготы и заботы легли на плечи женщин, детей и стариков. Слушая рассказы очевидцев, не устаешь удивляться, как у них хватило моральных и физических сил преодолевать все трудности. Ведь на время войны из района ушли более семи тысяч человек. Хозяйства, предприятия лишились тысяч умелых рук.

нашего района! Уже 3 августа 1941 года в районе был создан особый фонд обороны. Люди, оставшиеся в тылу, помогали фронту, как могли.

Было решено по-боевому включиться в уборку урожая, привлечь для этого стариков и подростков. Непростые судьбы у этих людей, молодость которых опалила война.

С первого дня войны включилась в работу 16-летняя Куликова Антонина. Она со своими сверстницами работала на поле, трактористкой. Даже бывалые механизаторы недобрим словом вспоминают технику военных времен – капризные и ненадежные тракторы ХТЗ и СТЗ. А тут пришлось посадить на них девчонок: война войной, а землю-то пахать надо.

Этим же девчатам приходилось и хлеб убирать. Таскали по полям двумя тракторами прицепной комбайн.

А вот Тоню Бочкареву, как и многих подростков послали в Саратов, в училище, откуда через несколько месяцев попала она на завод. И руки поначалу толком не слушались, и сама еле доставала до станка, а приходилось молчать и крепиться: ведь на шарико-подшипниковом делали не что-нибудь, а снаряды, и каждый понимал, как нужны они фронту. После смены бывало, не чувствовала ни рук, ни

ног и буквально валилась от усталости, а когда выпадали редкие выходные, шла с другими на Волгу разгружать баржи – там тоже не хватало рабочих рук.

И все-таки первое время о войне больше знали по сводкам Совинформбюро, по общему тревожному настрою да по похоронкам, которые приходили то в одну, то в другую семью. А в сорок втором, когда разыгралась страшная битва под Сталинградом, грозные отзвуки ее докатились и до Саратова. По ночам стал раздаваться леденящий душу вой сирены, а налеты вражеской авиации на крекинг, на мост через Волгу вдруг ясно показали, как близко она, война.

Именно в те тревожные дни и было принято решение эвакуировать многие заводы военного значения на Урал. Туда же, в Челябинск, было в спешном порядке отправлено оборудование с шарико-подшипникового.

А Тоня Бочкарева волею судьбы отправилась в другую сторону – домой, в Бурасы, где тоже было дел невпроворот. Поэтому с первого дня включилась в работу: ходила рыть окопы, работала на ферме в колхозе «Смычка». И в колхозе досталось, пожалуй, потяжелее, чем даже в первые дни на заводе. План вспашки доведен, а здесь то ручку завода не свернешь, то поломка какая-нибудь – прямо хоть плачь. И плакали, и ругались, особенно когда доставалось в ночную смену пахать где-нибудь на дальнем поле. Тут уж от страха и об усталости, и обо всем остальном забывали. Девчонки и есть девчонки. И хлеб Антонине Алексеевне довелось убирать: таскали по полям двумя тракторами прицепной комбайн – сейчас никто из молодых не поверит, что так было когда-то. А ведь было. И как ни трудно пришлось, все пережили и вынесли. Поэтому медаль «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны 1941-45 гг.» - достойная награда за трудовое мужество и терпение в лихую годину.

Да и сразу после войны было ненамного легче. Правда, с трактором она, как и другие женщины, рассталась – стали возвращаться с фронта мужчины, но надо было приводить в порядок то, что не сумели

доделать за долгих четыре года. И Антонина Алексеевна, переехав к тому времени в Елшанку, с утра до ночи пропадала на колхозной ферме. Работала телятницей, возила на быках молоко, была завфермой, а потом целых двадцать шесть лет проработала дояркой. И работала, как всегда, на совесть, потому что иначе просто не умеет. Ее труд был отмечен медалями «За трудовое отличие», «Ветеран труда», несколькими значками ударника пятилеток, многочисленными Почетными грамотами и подарками. За свое трудолюбие, принципиальность и заслужила Антонина Алексеевна Бочкарева доброе уважение односельчан – не случайно она не один созыв избиралась депутатом сельского Совета, была членом правления колхоза «Большевик».

Словом, испытаний на долю Антонины Алексеевны Бочкаревой выпало немало. Можно только удивляться, с какой силой духа переносила и переносит их она – настоящая русская женщина, чья жизнь прошла в бесконечных трудах и заботах. И такими людьми, как она, и крепка земля наша.

... Василию было всего пятнадцать, когда черная тень накрыла всю страну – война. И рекой полились по знакомым с детства улицам слезы жен и матерей, провожавших самых родных и близких людей туда, откуда многим так и не суждено было вернуться. Уходили из села, скрывая слезы и стараясь не оглядываться назад, солдаты, бежали за подводами женщины и дети, и, казалось, конца не будет этому неизбывному людскому горю. Но это было еще только начало – одна за другой пошли в Аряш похоронки, и притихло, затаилось село в ожидании беды. И только работа – изнуряющая, до седьмого пота – позволяла хоть немного отвлекаться от невыносимо тяжелых дум: ее в те черные дни с лихвой хватало на всех. В осиротевшем без мужиков селе все заботы поровну взвалили на свои плечи женщины, старики и дети.

По-настоящему узнал цену крестьянскому труду в то первое военное лето и Василий, едва окончивший шесть классов. Вместе со своими сверстниками работал в поле – сгребал, копнил и возил на

лошадях сено, полонил посевы, возил на лошади воду к тракторам – до пятнадцати бочек в день. И рядом с ребятами – в поле, на огороде, на фермах из последних сил пластались женщины, которых, заходясь плачем, ждали голодные, неухоженные дети – кого четверо, а кого и шестеро. А матери только затемно приходили домой, чтобы прибраться по хозяйству, сварить, постирать, накормить всю ораву, а со светом – опять за колхозные дела. И как только на все хватало сил?

Но лето и зиму все-таки кое-как пережили, а в марте сорок второго и в дом Царевых постучалась беда – умер отец, оставив без последней поддержки всю большую семью. А буквально следом, уже полусиротой, появился на свет последыш, Сашка, и Василий в свои шестнадцать лет стал настоящим главой семьи: надо было помогать матери поднимать сестренку и еще трех братишек – мал мала меньше.

И он старался вовсю. Летом 42-го, когда позади была уже семилетка, он работал на перевозке леса, отвозил зерно от комбайнов, потом – с тока на элеватор, а в ноябре колхоз направил Василия Царева в Базарно-Карабулакскую школу механизации учиться на комбайнера – механизаторы нужны были позарез.

В мае сорок третьего он окончил школу механизации, и на уборке зерновых работал уже самостоятельно. Потом, переоборудовав комбайн под подсолнечник, снова вышел в поле, но до конца довести дело не удалось: в один из дней прямо в поле приехал на лошади посыльный и вручил повестку о призыве в армию.

Через три дня, в начале декабря 43-го, семнадцатилетнего Василия отправили на лошади на станцию Бурасы, откуда он попал в особую снайперскую роту в городе Мелекес Ульяновской области. Именно отсюда начался фронтный путь нашего земляка.

Срок обучения в роте оказался недолгим, и в мае сорок четвертого Василия с товарищами в товарных вагонах под звуки духового оркестра отправили добивать минскую группировку немцев. Здесь он впервые отчетливо понял, что такое война, кровь, смерть, гибель друзей.

Сегодня, пройдя долгий и нелегкий путь, Василий Алексеевич часто перебирает в своей памяти прожитое и пережитое. И еще раз убеждается, что много было в жизни радостей, и горестей. Не было разве что одного – покоя. Да и не может его быть у человека, которому есть дело до всего, что происходит на родной земле.

Но чтобы как-то облегчить жизнь женщин, которые день и ночь работали в поле и на ферме, открыли детские ясли. И опять же выручали девочки-подростки, сидевшие с малышами.

На долю Антонины Александровны Каюшкиной тоже выпало немало.

- О голоде я знаю не понаслышке, - вспоминает Антонина Александровна. – Мама нас увозила в 33-ем году в город. Да вскоре вернулись домой: кому нужна чужая голодная орава? Хотя вообще-то я встречала немало добрых людей. В шесть лет, помню, я уже на краю смерти стояла: водянка развилась. Спасибо Любове Ивановне (фамилию не помню). Сама недоедая, она подкармливала меня, помогала маме. Жалела она меня и любила...

Спасались дети лесными дарами: грибами, ягодами, кореньями и травами. Лепешки из картофельной шелухи и лебеды ели. Огород выручал. Может, и полегче бы жилось семье, но отец Тони наотрез отказался записываться в колхоз, не верил в общественный труд. С характером был мужик, не мог отвести свою лошадь на конюшню, где чужие люди работали спустя рукава. Вот такой человек был. Но вместе с женой он научил дочерей не бояться любого труда.

А в годы войны дом № 10 по улице Рабочей был знаменитым, в нем размещался штаб воинской части. Семье Каюшкиных прибавилось забот. Тоня стирала белье красноармейцев, выращивала овощи в подсобном хозяйстве, собирала и солила грибы для солдатской столовой. И самим было посытнее. Смышленная 14-летняя девушка притягивала к себе людей. Синеглазая, белокурая, она была заметна. Но прежде всего люди отмечали ее трудолюбие, готовность помочь

каждому. Не окончив шести классов, она работала наравне со взрослыми. А в 16 лет, оставшись без матери, взвалила на себя все заботы по дому.

И снова на ее пути встретился добрый человек. В 1943 году она начала работать продавцом. По вечерам помогала Вере Родионовой наклеивать хлебные и продуктовые карточки. Подружилась с ней. Но вскоре Веру призвали на фронт. Тоня провожала ее на станции, и когда тронулся поезд, у девчонки слезы лились ручьем. А из вагона к ней вылетели валенки, и донеслось: «Скоро холодно. Береги себя!»

- Больше я Веру не видела, - вспоминает Антонина Александровна, - но она оставила свой след в моей душе. Она научила меня не упиваться собственным несчастьем, а помогать более обиженным.

Война кончилась. У сестер, правда, не у всех, вернулись мужья. Тоня тоже собралась замуж за парня, вернувшегося с фронта. Храбрый разведчик, отчаянный защитник Ленинграда, орденоносец, он был застенчив и немногословен. Скорее всего, скромностью и покорила Антонину. Оба из бедных семей, они и свадьбы-то настоящей не играли. Родительский дом принял нового хозяина, который до конца своей жизни обихаживал его, создавал условия для ясноглазой жены и сына Володи.

Татьяна Михайловна Крузина в то тяжелое время находилась в плену.

«Когда началась Великая Отечественная война, мне было всего лишь 15 лет. Я была самой молодой среди всех, кто был со мной.

В то время, когда меня забирали в Германию, я была больна малярией, но несмотря на это меня отправили вместе с остальными. Нас везли целый месяц в товарном поезде, как животных. Многие тот переезд не перенесли... Когда же нас все-таки привезли в Германию, поселили в бараки за колючую проволоку. Спали все на 3-х этажных нарах, на ватных подушках и с одеялами. Кормили на редкость неплохо: борщами, супами и т.д. На кухне варили три немки. Однажды в борще

обнаружили гусениц, т.е. когда резали капусту, не смотрели на ее качество. После этого случая все начали бастовать и на кухню поставили двух русских поварих. «Aufstehen!» - крича будили по утрам немцы, подгоняли всех на работу. Нас возили на работы под конвоем и хорошо охраняли, так что даже не было разговоров о попытке бегства. Работали на заводе по изготовлению бетона для плит. Девушкам выдавались платья и кандалы с деревянной подошвой. Ходили разговоры, что не виноваты ни русские, ни немцы, а во всем виноваты Гитлер и Сталин. В таких условиях и прошла вся Великая Отечественная война. В 1944 году людей перевезли по местам их жительства. Меня отвезли в Курск.»

Также очень трудно в годы войны пришлось Боковой Александре Ивановне.

«Родилась я в 1936 году 9 сентября. Нас у матери было трое детей. Отец то был дома, то служил. Когда началась война, он ушел на фронт. Жизнь во время войны была очень тяжелой. Матери приходилось работать и днем и ночью. День проводила в колхозе, а ночью делала домашние дела. В колхозе она работала за палочки. Только в конце года давали немного зерна. Спасали свои огороды. В основном еда была картофель и капуста. Мама была женщиной работящей, могла работать и с пилой, и с лопатой, и с топором. Все приходилось делать самой, могла даже печь сложить. Очень трудно было без отца, когда он был на фронте. Мы начали учиться в школе, одеть было нечего, а в школах было очень холодно. Учебники были из расчета один учебник на пять человек. Учились при лампах, топили в школах голландки. Я топила голландки вместе со своей бабушкой. На моих руках выросли брат и сестра. Мой отец после войны был в плену. Когда его освободили, то заставили трудиться в шахтах на Украине. Отец нас взял с собой. Жили в бараках, кругом была разруха. Когда я туда попала, мне было 10 лет,

сестре 4 года, а брат родился уже на Украине (в 1947 году). Долго нам там жить не пришлось. Отец после фронта заболел. А в шахтах была сырость, вода. У него был порок сердца. И пришлось нашей матери возвращаться на Родину уже с тремя детьми. И снова работа в колхозе. Рядом с нами жили семьи, в которых было по 5-6 человек детей.

В 16 лет я уехала в город, поступила в ФЗО. Закончила, стала мастером, работала в Саратове на стройках. Все, что зарабатывала, отсылала домой. В то время в магазинах не было даже вермишели. Когда ко мне в общежитие приезжала бабушка, мы с ней ходили, искали, где можно было купить хотя бы пшено».

Очень тяжелое детство было у Миловановой Анастасии Алексеевны.

«У мамы было пятеро детей. Отец и брат были на фронте. В школу я не ходила, не в чем было, до сих пор умею только расписываться. Ели свекольный хлеб: терли свеклу, добавляли немного муки. Пекли картошку. Матери на работе давали пареную пшеницу. Работали на собственных коровах. Я и пахала, а в уборочную возила на них хлеб. Работали – сгребали сено, зерно на току, ездили за дровами в лес. При температуре -40°C проходили 30 км до станции за хорошим лесом. Отец с братом вернулись с фронта. Мама работала, пекла хлеб, но ни разу не принесла домой ни кусочка. Сестре Шуру в это время было 17 лет, ее забрали в Саратов на завод. Она очень скучала, и не выдержав этого, сбежала. Дошла пешком до Бурас. Но все это было безрезультатно, за ней приехали и забрали. Отправили Шуру в Вольск на цементный завод. В это время она болела тифом, ее наголо остригли. Освободили же ее сразу после войны.

Другая сестра Лена в войну была на окопах в Воронцовке. Копали и голодали. Работали в холод и в голод, в дождь и в снег. Мама, бывало,

поедет в Саратов на коровах, купит бязи, краски. Нашьет, покрасит, в этих платьях и после войны ходили».

Очень жестоко судьба поступила с Эвельсон Ниной Гансовной.

В свидетельстве о рождении записано: Эвельсон Нина Гансовна родилась 1 августа 1939 года в г. Ленинграде. Отец – Эвельсон Ганс, мать – прочерк. Дата выдачи документа – 7 июля 1951 года.

Горечь утраты родины и близких не дает покоя Нине Ивановне Середенко, волею судьбы сменившей отчество и фамилию.

Что же хранит детская память? Что не дает ей покоя, заставляет писать, искать и надеяться? Все это хранится в детских воспоминаниях Нины Ивановны...

Первые отрывочные воспоминания иногда кажутся мне сном. Серое небо, вой сирен, пронзительный и страшный звук вражеских самолетов. Мост. Мужчина в шинели. Женщина, толкающая коляску. Я не знаю, где я была в это время, но картина запечатлелась в памяти навсегда. Я и сейчас могу услышать эти звуки и узнать тех людей, но не знаю, кто они. Может, они меня спасли?

Совершенно выпало из памяти, как и кто выводил нас из Ленинграда, почему в свидетельстве о рождении в графе «мать» - прочерк, этого я, наверное, никогда не узнаю.

Крайняя избушка в деревне Кушуморка Республики Марий Эл. Пастушок Алеша и частушки на марийском языке. Я сижу на коленях у какой-то женщины, потом она куда-то уходит, приносит куски хлеба, лепешки, кормит меня, гладит по голове. Я не видела, чтобы она ела принесенное. Не помню ее имени. Может, это была Эвельсон или какая-то другая тетя. Но я знаю, что она спасла меня. Еще помню самолет. Женщина читает письмо... А потом она исчезает. Я бегу по ржаному полю, плачу, кричу, теряю голос. И... провал в памяти.

Потом – уже другая деревня. Дедушка и бабушка мыли меня в бане, жалели, кормили, поили чаем с медом. Деревня называлась

Недорезово. Кто-то к нам приезжал, хотели удочерить, но не получилось...

Нина Ивановна прерывает свой рассказ, пытается сдержать слезы. Отдельные эпизоды, оставшиеся в детской памяти с давних времен, помогают понять, насколько трудно было девочке без родных и близких. Как же надо было цепляться за жизнь, пока еще бессознательно, но с упорством и настойчивостью, не присущими порой даже взрослым! Ребенок еще не понимал, сколько впереди всякого, но память хранит все, что было в ее детской жизни и худого и доброго...

Накатанный санный путь. Нина закутана в какие-то лохмотья. Куда ее везут, не знает. Задремав, она выпала в снег, сопровождающий хватился не сразу. Потом подобрал ребенка. В старинном доме, бывшей усадьбе богачей, ее встречает гул детских голосов. Где находился детский дом и как он назывался, Нина не помнит. В памяти – другое. Круглые железные печки. 10-12 коечек для малышей. В другой комнате – дети постарше. Неудобный комбинезон, белые валеночки, в отличие от остальных, носивших черные. Пугающе темный и пустой подвал, мимо которого надо было проходить по многу раз в день. Полуголодные дни. Но больше всего ее обижали побои воспитательницы Людмилы Ивановны. Она ухитрялась не только бить, но и отнимать так редко выпадавшие сладости, не задумываясь, что обижает сироту.

Нина не помнит, была ли рядом с детским домом деревня. Но вспоминает лужок, березы, конюшню. И еще посещение родственников по выходным. Они приносили детям гостинцы. Девочку тоже один раз позвали. К ней пришли ее добрые знакомые дедушка и бабушка. Принесли ягод, но Нине досталось чуть-чуть, дети постарше разделили все по-братски.

- Несколько раз я видела за забором женщину в черном, - рассказывает Нина Ивановна. – Мы были чем-то похожи, она подолгу молча смотрела на меня. Я не понимала ничего, но теперь мне кажется, что это была моя мама. А почему она не взяла меня, не знаю...

Детские воспоминания избирательны. Что-то выпало совсем, что-то осталось ярким пятном и не дает покоя до сих пор. При нашем разговоре Нина Ивановна, как из кладовки, вынимала из памяти новые подробности той жизни в детском доме – в чем-то радостной, а чаще печальной. По ее словам, детство все-таки было горьким.

Переезд в Обуховский школьный детский дом прошел незаметно. Девочке предстояло учиться в школе. Весь детский коллектив был построен во дворе. Началось знакомство с новичками: называли фамилию, имя и национальность. Обыденно звучали: русская, мариец, татарин, чувашка, украинец. И вдруг, как гром среди ясного неба: Эвельсон Нина Гансовна. Немка. В ответ – мертвая тишина, и потом единый выдох: «Где?».

Эта линейка стала началом издевательств, унижений и оскорблений ребенка. Дети были жестокими. Шла война. Они осиротели. Их родителей убили фашисты, а рядом – немка. Они не задумывались, что ребенок ни в чем не виноват. Все бегут на обед, а девочка плетется сзади, и мальчишки бросают ей в спину камни, бьют шваброй и дразнят, дразнят...

- Я всего и всех боялась, - вспоминает Нина Ивановна. – Пряталась по углам, плакала, и мир казался мне серым и холодным. Было плохо, горько, обидно. А когда услышала от марийки Лизы, что я убила Ленина, что я фашистка, совсем худо стало. Я пыталась ей объяснить, что я такая же, как и она, и тоже сирота. Она не понимала меня.

Но было у Нины и светлое в детдомовской жизни. Ее стали опекать старшие девочки Света и Клара Зыковы, мальчишка Гена Лежнин. Она научилась плавать, нырять, занялась акробатикой и стала выступать даже лучше самой способной гимнастки Вали Моховой. Она слышала аплодисменты и признание друзей.

Занятия по ночам помогли стать гибкой, научили красиво двигаться. Нина все делала тайком, чтобы доказать всем, что она не хуже остальных, и добилась-таки своего. Постепенно дети стали к ней добрее, признали ее способности.

Но верхом счастья было, когда в 12 лет ей сказали, что у нее, как и у всех, будет день рождения. Назвали дату: 1 августа. И в этот день под подушкой она обнаружила открытки, тряпичных кукол, еще какую-то мелочь. Радости не было предела. У нее есть праздник, только ее день рождения! И ее любят в этом доме.

Уже тогда у Нины проявлялся характер. Однажды, на общей линейке директор отчитывал ребят за какую-то шалость, и у него, может и невольно, вырвалось сердитое: «Дармоеды». Девочка обиделась, не пошла на обед и осталась в спальне. Слезы лились сами собой. Встревоженный директор пришел почти сразу и спросил: «Почему не на обеде?» Нину как прорвало: «Какие мы дармоеды? Мы же не виноваты, что наших родителей убили на фронте. Пусть бросит нас государство. Зачем вы так?..»

- Да что ты, девочка, - встревожился директор. – Я же просто хотел сказать, чтобы вы посерьезнее были. Нельзя же так...

Они помирились, и после этого директор бережно относился к ней. Внимательными были и воспитатели. В одной характеристике записано: «Нина Эвельсон учится на «3» и «4». Всякую работу выполняет медленно, но очень аккуратно, чистенько. Девочка очень веселая, подвижная, любит поиграть, посмеяться, иногда и не вовремя. Хорошо поет, участвует в художественной самодеятельности. Любит рукоделие. Всегда вежлива. Костюм свой содержит в порядке».

А у веселой девочки наступали порой минуты отчаяния. Нина подолгу стояла у окна, слезы заливали лицо, и она как заклинание

повторяла: «Где же мои мама и папа? Ну потеряли они меня в войну, Должны же найти...»

У некоторых находились родители или какие-то другие родственники. Всем детским домом провожали счастливых, завидовали им и жили надеждой, что когда-то и для остальных откроется дверь в волшебную страну под названием «родной дом». Не случилось такого со многими, в том числе и с Ниной.

Но надежда, говорят, умирает последней.

Год рождения девочки записали 1939, ее несколько раз возили на медицинскую комиссию, чтобы подтвердить возраст и на правах взрослой отправить учиться профессии. Медики не соглашались с документом, но бумага оказалась сильнее. Нину выпустили из Обуховского детского дома Кировской области и послали учиться на бухгалтера в Саратов. Сначала она переписывалась с подружками, но с появлением семьи, рождением дочерей, новыми заботами безрадостное прошлое уходило все дальше. Единственное, что мешало ей в жизни, так это ее отчество. Будучи хорошим специалистом, она чувствовала, как неохотно берут на работу немку. Независимо от записи в свидетельстве о рождении и паспорт, ее стали величать «Ивановной». Она пыталась найти хоть какую-то ниточку, ведущую к родным. Она писала в Питанский район Кировской области, в Обуховский детский дом, в администрацию Санкт-Петербурга, в объединенный архив Ленинградской области, на передачу «Жди меня». Нина Гансовна хочет узнать, есть ли у нее родные, где она жила в Ленинграде, имеет ли право быть блокадницей, ведь, судя по документам, из Ленинграда ее вывезли в 1943 году. Где найти подтверждение этим данным? Кто поможет и подскажет, как найти родных? Не может же человек появиться ниоткуда. Почему свидетельство о рождении выдано в июле 1951 года в Питанском районе Кировской области, на основании чего?

Пока одни вопросы, которые не дают Нине Ивановне покоя.

У нее три взрослые дочери, внуки, а она все надеется, что когда-то обретет своих родных и узнает, кто она и откуда.

Это – малая толика из прошлого всегда жизнерадостной и доброй женщины. Она никого не обидела и верит в то, что добро побеждает.

Случайно у меня оказались водительские права Тагаева Василия Николаевича, выданные в Сталинграде. Справка, в которой ему выражена благодарность, как участнику боев, талон на право управления автомобилем и справки о ранениях в боях за Советскую Родину. В свои пятнадцать лет он уже работал шофером.

Совершенно случайно ко мне попали две фотографии. Одна датируется – 1941 г., 22 апреля. Счастливые, молодые, красивые лица. Впереди выпускные экзамены, а потом – долгая, полная надежд и любви взрослая жизнь. Это 10 класс. Мальчики и девочки 1941 года.

А вторая фотография – это вечер выпускников, но уже пятьдесят лет спустя. Бабушки и дедушки. Ряды заметно поредели и за плечами уже целая жизнь. А многие так и остались 18-летними – они не вернулись с той страшной войны.

Первый слева в нижнем ряду – Гена Сыпченко. Весельчак, душа компании, при этом целеустремленный и собранный. Умница, старший сын в дружной учительской семье. Когда пришла война отец, Семен Сыпченко, ушел на фронт. Дома осталась жена Анна Ларионовна и младший сын Виктор. Старший Гена сразу же запросился на фронт. Историю моего ровесника Гены Сыпченко я хочу рассказать словами его мамы и папы. И еще я хочу, чтобы через 60 лет вы услышали голос простого паренька из далекого поселка Новые Бурасы Саратовской области.

Письмо Гены: «Привет с Запада. Здравствуй, дорогая мама. Здравствуй брат Виктор. Месяц назад 23-го февраля я покинул Москву и прибыл на место назначения. Живу сейчас на территории, оккупированной когда-то немцами. Ровно месяц день в день они хозяйничали здесь. Шли к Москве до зубов вооружены и грабили, удирали полками, бросая вооружение, тащили у местных жителей все до нитки, сжигали наши деревни. Очень много видишь, очень много слышишь. Очень много переживаний. Это все очень трудно описать, даже рассказать. Я жив и здоров. Ни в чем не нуждаюсь. Горд тем, что я среди гвардейцев и вместе с ними скоро иду в бой. Да, мама, горд, что вместе с отцом буду бить эту вонючую сволочь. Я не знаю, где сейчас папа, но я вместе с ним, душой и телом вместе с ним одной мыслью – победить. Сейчас я готовлюсь вступить в партию. И в бой пойду членом

ВКП(б). Пишите обо всем, ничего не скрывая. Жду. Жду. Ваш сын и брат Геннадий».

Письмо мамы: «Здравствуй, дорогой муж Семен. Долго ждали от тебя письма и, наконец, получили, которое ты писал 19 декабря. Узнали, что ты еще находишься на старом месте, и извини, что долго не писала тебе. Мы живем ничего, немного трудновато дело обстоит с топкой, некому привезть, мое здоровье ты знаешь какое, а Витя в школе, завтра отнимаю его от школы и пускай едет за дровами, однажды к нам в комнату забрался дед мороз, поморозил цветы и заморозил в самоваре воду, но мы остались невредимы, зима стоит очень снежная с сильными морозами. С питание дело лучше, хлеба получаем, хватает 2 кил., картошки много, правда жиров никаких нет, ожидаем скоро будет свое молоко. Все еще тяну те деньги, которые ты оставил. Ходила в Райсобес, направляют меня на комиссию в Петровске, но я не могу туда ехать, так как ты, Сема, сам знаешь, что не в чем и поезда ходят очень плохо. Колтуновой О.И. же успеха в новом году и дам придется быть на фронте ты рази врага беспощадно. Гитлеру конец. Да здравствует наша любимая Красная Армия. С приветом, твоя Анюта».

Письмо отца: «Здравствуй, дорогая Анна Ларионовна. Вчера получил горестное письмо из Москвы: из госпиталя сообщили, любимый наш сын Геннадий умер 2 февраля 1943 г. от ран. Я ожидал выздоровления.

После ранения я от него получил только одно письмо от 29 октября 1942 г. Но из твоих писем я знал, что тебе он писал часто включительно по ноябрь 1942 г. В единственном письме, которое я получил, Геннадий описал характер ран (спина с повреждением 5-7 отростков позвоночника; тяжелая рана в кости суставов бедренной части правой ноги, откуда извлечены пуля и оболочка разрывной пули). После двух операций он стал чувствовать хорошо. Он сам писал: ранение серьезное, но для жизни не опасное. Третья операция, проведенная 9 ноября, о чем ты получила от него последнее письмо, была связана с тем, полагаю, что

Геннадий не знал... Умер он от воспаления спинного мозга, перенес тяжелые муки и долго боролся за жизнь. Геннадий писал, восстанавливать здоровье ему придется долго. Он сожалел об одном: «На коне мне, пожалуй, воевать не придется». Это его письмо радовало меня, я был спокоен за его жизнь. Но с января, когда стал получать ваши письма, говорившие, что и вы не получаете от него письма, я стал тревожиться. Жаль, до глубины сердца жаль Геннадия, но вернуть его к жизни нельзя.

Геннадий жил мало, не дотянул до 20 лет. 19 месяцев в Красной Армии, вступил добровольцем в нее, спустя две недели началась отечественная война. В рядах Красной Армии он был удостоен высокого звания: гвардии лейтенанта кавалерии. Он очень был рад и гордился тем, что работал среди отважных, как он писал, орденосцев славных.

Геннадий любил свою родину, преданно служил своему народу, партии Ленина-Сталина, сын был боевым комсомольцем и на фронте боевым командиром. Свою жизнь отдал не даром, отдал ее за нашу Советскую Родину. Пусть его прекрасная жизнь и молодость, его смерть послужит для нас всех примером. Мы должны найти силы и отдать их для нашей Родины. Отомстим фашистам за Геннадия, за смерть, за насилие, зверство, применяемое гитлеровцами над нашим народом.

Прошу, Анна Ларионовна, мужественно перенести эту скорбь. Передай Виктору мой отцовский наказ: пусть он будет таким же смелым и решительным в борьбе с врагами нашего народа, каким был Геннадий. Пожелаю Виктору еще упорнее учиться, готовить себя для войны.

Прошу сохранить письма, фотокарточки.

Геннадий. Будьте здоровы. Пишите по адресу:

Письмо отца: «Дорогая Анна Ларионовна! Вчера я получил твое давнее письмо (от 22 марта). В нем все тот же вопрос, что и в предыдущих письмах: что случилось с Геннадием, почему не пишет?»

31 марта я получил из Московского госпиталя ответ: Наш любимый сын скончался 02.02.1943 г. – не вынес болезни после тяжелых

ран. Об этой тяжелой утрате написал тебе я несколько писем. Память о нашем сыне, достойном нашей Великой Родины, отдавшем свою жизнь за свой народ, не достигнув до 20 лет своего существования, мы сохраним погреб.

Привет Виктору и мой отцовский наказ ему: успешно окончить десятилетку и быть готовым встать в ряды Красной Армии. Я уверен, что Витя будет достойным сыном нашей Родины и примером брата.

Витя, Родина дает тебе возможность окончить 10 класс и получить среднее образование. Эти дни на исходе. Старайся, как и раньше, бери от школы все, что она дает. Будь готов к разным делам, куда более нужным, чем школа!

Будьте здоровы. Пишите, как живете, как Ваше колхозное хозяйство ведется. Старайтесь сажать огород. Анна Ларионовна! Пару слов черкни про здоровье. Что признала комиссия?

На днях вышлю 500 рублей.

Поздравляю с наступающим днем 1 мая, желаю успеха. Ждем победы над врагом.

Ваш С.Г.Сыпченко. 16.04.43 г.»

Виктор не успел повоевать, не смог отомстить за брата. Но когда у него родился сын, он назвал его Геной в его честь. Геннадий Викторович Сыпченко – учитель физики в школе нашего поселка. Добрый, умный, творческий человек. Совсем как Гена Сыпченко. И удивительно похож на него внешне.

Заключение.

Можно бесконечно рассказывать о людях нашей Новобурасской земли, чьи трудовые подвиги приближали Победу. Их детство и юность проходила в очень трудное время. Но они выстояли благодаря тому, что имели и ценили честь, доброту, гуманность, умели трудиться.

Общение с ними – общение с легендой. Узнаешь, какими идеалами была наполнена их жизнь, какие у них ценности, какими были люди того военного времени. К сожалению, их становится все меньше и меньше, и каждая встреча с ними, возможно, может оказаться последней. И хочется надеяться, что наше современное поколение будет с уважением относиться к ветеранам. Это наша история, и мы должны ее чтить и уважать!

Наш земляк Ю.Кузвесов, годы войны переживший подростком, написал стихотворение, отображающее всю горечь детства той поры.

Нет, не был я на фронте под обстрелом

И в штыковой атаке не бывал.

Но помню, как, дрожа голодным телом,

Хлеб из мякины с лебедой жевал.

Был горек он. Скользили слезы сами

От слабости по детскому лицу.

Но о нужде печальными словами

Не сообщал в письме на фронт отцу.

И не писал, как тяжек лемех плуга,

Когда на пашне целый день с утра.

И как трава нескошенного луга

Шептала нам: «Пора косить, пора!..»

Да, не был я на фронте под обстрелом,

Знать не дорос. В том нет моей вины.

Зато, как все, был занят делом

И крепко помню горький хлеб войны.

Кроме того, что подростки работали на фермах и полях, они еще успевали писать бойцам на фронт. Этим морально поддерживали боевой дух воинов. Вместе с письмом отправлялись посылки с теплыми вещами.

Прошли годы. Эти юноши и девушки стали бабушками и дедушками. И сейчас, в хороший час отдыха после большой и мирной работы, они с гордостью вспоминают о том, что когда-то в грозные для Родины дни, не болтаешься под ногами, не сидишь сложа руки, а чем могли помогали своей стране в ее тяжелой и очень важной борьбе с человеконенавистным фашизмом.